Книжное обозрение

© 2023 г.

Vladimir Ze'ev Khanin. FROM RUSSIA TO ISRAEL – AND BACK? CONTEMPORARY TRANSNATIONAL RUSSIAN ISRAELI DIASPORA. Potsdam: De Gruyter Oldenbourg, 2022. 334 p.

В конце существования СССР и после его распада начались крупные миграционные процессы: волны этнических эмиграций (в принимающих странах нередко обозначаемых как «репатриация») бывших советских немцев, корейцев, греков, евреев и некоторых других групп, а также реэмиграция определенной части уехавших в страны исхода или вторичная эмиграция в другие государства. Еврейская эмиграция была одной из самых значительных, основная масса советских, а затем постсоветских евреев устремилась в Израиль, а также в Германию, США, Канаду и др. Изучению причин и характера этой волны эмиграции (в израильской традиции получившей название «большая алия»), идентичности и судеб уехавших посвящена обширная литература, в том числе на русском языке¹. Значительно меньше изучена реэмиграция бывших советских евреев и членов их семей в страны исхода и другие страны.

Недавно вышедшая книга известного израильского социолога, профессора университета Бар-Илан и руководителя Института евро-азиатских еврейских исследований в Герцелии Зеэва Ханина посвящена спектру важных и непростых для Израиля, и в определенной мере для России, проблем. Она охватывает период с конца 1980-х гг. (когда началась массовая эмиграция советских евреев) до 2021 г., которая привела к существенным изменениям в социодемографических характеристиках и культурной идентичности еврейского населения как в странах исхода, так и в Израиле. Книга информационно насыщена: использован широкий круг источников (данные многочисленных социологических опросов, проведенных автором в России, Украине и Беларуси, а также другими исследователями; результаты включенного наблюдения; тексты экспертных интервью; материалы СМИ и др.), что придает глубину и достоверность большинству сделанных автором выводов. Остановлюсь на наиболее важных и интересных для российской аудитории вопросах и проблемах.

3. Ханин подчеркивает, что современный период истории Израиля характеризуется кризисом идеологии «плавильного котла», усилением тенденций мультикультурализма и диверсификации израильской идентичности, что характерно не только для отношений между различными этноконфессиональными группами в стране, но для взаимоотношений внутри самой израильской еврейской общины. Обращаясь к проблемам русскоязычных иммигрантов в Израиле, автор отмечает, что они быстро сформировали свою субкультуру, социальные и бизнес-связи, образовательные и культурные учреждения и др., подчеркивая культурную преемственность, особо отмечая роль русского языка, ставшего важным фактором идентичности и систем культурных ценностей новоприбывших.

Все это, включая разнообразные внутренние связи, характерно для многих диаспорных групп иммигрантов в разных странах (когда родной язык долго остается их структурообразующим элементом), в том числе в так называемых переселенческих обществах. Исследователь указывает, что приверженность русскому языку и русскоязычному

¹ См., напр.: Русское лицо Израиля: черты социального портрета / Сост. М. Кенигштейн. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2007; Еленевская М., Фиалкова Л. Евреи бывшего СССР за рубежом // Евреи / Отв. ред. Т.Г. Емельяненко, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: Наука, 2018. С. 611–644.

информационному пространству характерна и для других новых еврейских диаспор в разных странах (США, Германии, Канаде), полагая, что это приводит к изоляции русскоязычных иммигрантов. Такое утверждение кажется излишне категоричным, но в целом верным. Подобной изоляции способствует также постоянная «подпитка» русскоязычной общины новыми волнами иммигрантов из бывшего СССР, особенно вызванных экономическими и/или политическими кризисами. Эти мигранты часто были глубоко аккультурированы в странах исхода и отличались от представителей волн репатриации в Израиль членов восточных общин (йеменских, иракских и др. евреев), имевших скорее характер эвакуации. Они не получали в Израиле подобной «подпитки», а их приверженность иудаизму способствовала быстрой интеграции в израильское общество, где иудаизм играет значительную роль во многих сферах жизни. Бывшие советские евреи, в массе своей нерелигиозные (лишь от 10 до 20% из них придерживаются иудаизма²), не имели этой значительнейшей опоры еврейской идентичности, ибо на протяжении веков именно иудаизм выполнял функцию мощного этноконсолидирующего фактора. Если же учесть, что нарратив о Земле Израиле как о Земле Обетованной сложился именно в рамках религиозной традиции, а позднее был в несколько иной форме воспринят в сионистской идеологии, неудивительно, что интеграция бывших советских евреев в Израиле происходит столь непросто. В то же время автор совершенно верно указывает на отсутствие своего рода русскоязычного гетто в Израиле (о котором писали некоторые авторы) и на формирование у новоприбывших в 2000-х гг. израильской национальной идентичности, хотя и говорит об их интеграции без аккультурации.

В этой связи З. Ханин обращается к проблемам израильской диаспоры в разных странах, подчеркивая, что многочисленные исследования показывают значительную привязанность израильских эмигрантов к Израилю, что, наряду с созданием израильской инфраструктуры в виде клубов, школ, газет и пр., а также иврита как языка общения, препятствует растворению «бывших» израильтян в местных еврейских общинах.

Идеологические, политические и социальные измерения эмиграции евреев из Израиля стали фокусом второй главы. Эта болезненная тема для Израиля воспринимается в зависимости от того, на какую систему ценностей ориентируется тот или иной политик или интеллеktуал³. При этом в других диаспорах реэмиграция, по каким бы причинам она не совершалась, не воспринималась как угроза членами иммигрантского сообщества или как удар по статусу тех, кто оставил эту страну. В Израиле ситуация иная: в рамках сионистской парадигмы, заключающейся, в частности, в том, что евреи не могут жить в безопасности и обладать национальным суверенитетом вне своего государства, такая эмиграция воспринималась как девиация или своего рода социальная болезнь. Между тем более 40 лет назад эмиграция из страны стала очевидным фактом: более 7% еврейского населения Израиля постоянно жили за рубежом. Основная масса (60–70%) переехали в США, 15–25% – в страны Европы, остальные (в том числе бывшие советские граждане) – в другие страны. Опираясь на данные опросов, автор доказывает, что выходцы из бывшего СССР не чаще, а во многих случаях реже реэмигрировали, и это свидетельствует о высокой степени их интеграции в израильское общество.

Говоря о факторах, способствовавших эмиграции русскоязычных евреев и членов их семей из Израиля (Глава 3), З. Ханин подчеркивает, что прагматические соображения (хорошо оплачиваемая работа, безопасность и др.) значительно влияли на принятие решения об эмиграции из страны (с. 58). Например, молодые люди с высшим образованием составляют наиболее значительную группу тех, кто готов эмигрировать. В то же время автор подчёркивает, что сионистские ценности (которые, по его мнению, очень

² См.: *Gitelman Z. Jewish Identities in Post-Soviet Russia and Ukraine: An Uncertain Ethnicity*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2012; *Носенко-Штейн Е.Э.* «Передайте об этом детям вашим...» Культурная память у российских евреев в наши дни. М.: МБА, 2013.

³ С. 226, *Della Pergola S. Aliyah, Yerida and Other Demographic Problems // Is that Indeed Difficult to Be Israeli? / Ed. by A. Haeven*. Jerusalem: Van-Leer Institute, 1983.

важны для связи новоприбывших с Израилем) играют значительную роль в принятии такого решения. И это отличает его позицию от точки зрения исследователей, стоящих на постсионистских позициях, которые рассматривают эмиграцию из Израиля как идеологическое диссидентство. В этом контексте понятна точка зрения автора, который считает преувеличением многократно высказывавшиеся суждения об экономическом характере большой алии из бывшего СССР, полагая, что желание жить в еврейском государстве и солидарность с Израилем играли большую роль в принятии решения об эмиграции (с. 62). С этим утверждением можно спорить, тем более что социологические опросы среди евреев, проживавших в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в СССР и затем в постсоветских странах и твердо намеревавшихся эмигрировать именно в Израиль, не проводились; поэтому все ссылки на результаты более поздних исследований выглядят определенной экстраполяцией.

В Россию русскоязычные иммигранты возвращались в основном по экономическим причинам (более благоприятные условия для ведения бизнеса). Некоторых не удовлетворял ориентализирующий стиль жизни в Израиле. Еще большие сложности с адаптацией в Израиле испытывали нееврейские члены семей новоприбывших, потомки смешанных браков (особенно так называемые патрилинейные евреи, т.е. имеющие еврейских предков по отцовской линии).

3. Ханин особо фокусируется на роли еврейской идентичности в процессе эмиграции из Израиля или нежелании покинуть страну. Он выделяет несколько категорий израильтян, проживавших в СССР и затем в постсоветских странах (с. 115), в дальнейшем неоднократно выявляя убедительную корреляцию различных факторов реэмиграции и адаптации на новом месте с этими категориями, подчеркивая гетерогенность русскоязычной израильской диаспоры, существовавшей на постсоветском пространстве до 2022 г.

Для меня как исследователя, долгие годы занимавшегося проблемами еврейской идентичности, особый интерес представляет Глава 5, в которой рассматриваются различные аспекты идентичности «бывших израильтян», проживавших на постсоветском пространстве. Хотя в большинстве стран евреи считаются конфессиональной или этноконфессиональной группой, в постсоветских странах их самоидентификация имеет по преимуществу этнический характер, т.е. основана на вере в общее происхождение, в то время как религия занимает в ней довольно скромное место. Автор сравнивает этнический состав израильтян, проживавших в некоторых постсоветских странах, полагая, что еврейская идентичность связана с долей этногенетического компонента реэмигрантов (с. 150–151). Вряд ли такое утверждение оправдано, ибо этничность является не генетически обусловленной данностью, а способом организации социальных и культурных различий, и автор сам подчеркивает сложный многоуровневый характер еврейской идентичности, проведя интересный компаративный анализ типов идентичности (точнее, самоидентификации) разных групп израильтян – выходцев из бывшего СССР (с. 160).

Он также подчеркивает важнейшую роль государства в еврейской самоидентификации, хотя в последние годы появляется все больше работ о кризисе израильтентризма и его причинах⁴. Специфические черты русскоязычных израильтян позволяют 3. Ханину считать их самостоятельной группой в рамках транснационального российско-израильского субэтнуса внутри еврейского народа (с. 179). Тут есть спорные утверждения, в том числе касающиеся характера и соотношения еврейской и израильской идентичностей и их корреляции с этнической гомогенностью, а также обращение к терминам, употребляемым в рамках теории этноса, которая давно подвергается критике (кроме того, евреи не подходят под определения этноса).

⁴ Карасова Т.А., Хлебникова Л.Р. Кризис идеи израильтентризма на современном этапе // Израиль в борьбе: грани противоречий в политике, экономике, обществе / Отв. ред. Д.А. Марьясис, С.Г. Мелконян, Л.Р. Хлебникова, Е.А. Якимова. М.: ИВ РАН, 2022. С. 122–150.

3. Ханин полагает, что жившие в Израиле респонденты чаще обращаются к религии как к опоре своей еврейской идентичности, хотя русскоязычные израильтяне менее религиозны и не всегда соблюдали предписания иудаизма (с. 198). На мой взгляд, даже частичное следование предписаниям иудаизма, играющего в еврейском государстве значительную роль во многих сферах жизни, можно считать инструментом сохранения не только еврейской, но и израильской самоидентификации.

Отчасти продолжая тему своеобразия русскоязычной израильской диаспоры (Глава 7), исследователь сосредоточивается на проблемах отношений израильских эмигрантов с принимающими обществами, где социальные сети играли роль инструмента своего рода исключения эмигрантов из местного окружения (с. 238–239). Сравнивая различные израильские диаспорные группы, 3. Ханин касается болезненной проблемы антисемитизма (важного фактора конструирования еврейской самоидентификации), указывая, что в отличие от многих стран Запада антисемитские настроения на постсоветском пространстве в целом в рассматриваемый им период снижались (с. 255). Отмечу, что пандемия и военные действия на Украине вновь стали их катализатором, а также поставили под сомнение существование аморфных сетей русскоязычных израильтян, базировавшихся на формальных и неформальных связях.

Подводя итоги своих исследований, 3. Ханин вновь обращается к проблеме транснационализма и новой транснациональной еврейской диаспоры. Об этом в последние десятилетия писали немало. Новый еврейский транснационализм, подчеркивает автор, опирается на новые этнические маркеры, включая язык, поведенческие нормы и приверженность некоторым культурным традициям, что обусловило возникновение новой диаспорной идентичности (с. 286–287). Небольшое, но важное уточнение: автор постоянно называет бывших советских евреев и членов их семей в Израиле и уехавших оттуда «русскими» (Russian) израильтянами. Видимо, все же корректнее было бы говорить о русскоязычных (Russian-speaking), поскольку у многих не просто отсутствует русский этнический компонент, но именно русский язык стал одним из мощных объединяющих их в транснациональное сообщество факторов (о чем сам исследователь неоднократно упоминает), а их самоидентификации, символы и ценности, которые для них важны, сформировались в Израиле.

Книга 3. Ханина вносит серьезный вклад в теорию и практическое изучение миграций, диаспор и транснационализма, и, хотя автор во время недавнего выступления на одной из научных конференций подчеркивал, что его книга теперь имеет скорее исторический характер, с этим можно спорить. Прикладные социологические работы быстро переходят в ранг «исторических», это не лишает многие из них научной ценности. Рецензируемая книга вызывает размышления и побуждает к дискуссии, которые являются неотъемлемой частью научного дискурса.

Е.Э. НОСЕНКО-ШТЕЙН

НОСЕНКО-ШТЕЙН Елена Эдуардовна, д.и.н., гл. научн. сотр., Институт востоковедения РАН, Москва, Россия (Elednos21@gmail.com).

Vladimir Ze'ev Khanin. FROM RUSSIA TO ISRAEL – AND BACK? CONTEMPORARY TRANSNATIONAL RUSSIAN ISRAELI DIASPORA. Potsdam: De Gruyter Oldenbourg, 2022. Reviewed by E.E. Nosenko-Stein

DOI: 10.31857/S013216250028320-5

Dr. Elena E. NOSENKO-STEIN, Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia (Elednos21@gmail.com).